

Чжан Цзиньсяо всегда отличался тонкой душевной организацией и смущался от малейших подколов, а тут, под натиском этого непредсказуемого Сун Чжияня, его лицо и вовсе вспыхнуло. Глядя на человека, который с годами словно становился всё более ребячливым, Чжан Цзиньсяо не сдержался:

— Не знал, что ты такой любитель актёрской игры. Почему бы тебе самому не попробовать? Глядишь, после первой же роли прославишься.

— Мой дорогой, не стоит так двусмысленно выражаться, — Сун Чжиянь пожал плечами, — а то ведь можно подумать, что я стану знаменитым благодаря раздеванию. Впрочем, в следующий раз я обязательно приду посмотреть, как ты работаешь на площадке. Кто знает, может, у меня и правда есть к этому талант?

После того как они ещё немного попрепирались в шутливой манере, Сун Чжиянь вызвался приготовить ужин, чтобы как следует побаловать своего драгоценного Цзиньсяо. В последнее время он словно помешался на кулинарии: если раньше он лишь помогал Чжан Цзиньсяо, то теперь, при любой возможности, стремился лично продемонстрировать своё мастерство.

Сначала Чжан Цзиньсяо опасался, что этот избалованный молодой господин, впервые взявшийся за нож, разнесёт всю кухню или устроит пожар, поэтому дежурил в гостиной, не спуская с него глаз. Однако вскоре выяснилось, что Сун Чжиянь, руководствуясь лишь кулинарной книгой, готовит на удивление достойно. Более того, за несколько коротких дней он отточил технику владения ножом до такой степени, что она стала даже лучше, чем у самого Чжан Цзиньсяо.

Каждый раз, когда Чжан Цзиньсяо с ошарашенным видом наблюдал за тем, как ловко Сун Чжиянь шинкует овощи, тот лишь скромно улыбался, замечая, что это у Чжан Цзиньсяо руки дрожат, а у него самого — врождённый талант к кулинарии.

— Когда он это говорил, хвост у него был готов взлететь до небес, — подумал Чжан Цзиньсяо.

Он не стал комментировать слова о дрожащих руках, исходящие от человека, который ещё полгода назад лежал в больнице овощем, но и спорить с утверждением о таланте не стал. Чжан Цзиньсяо был достаточно тактичен, чтобы не подкалывать Сун Чжияня, если ситуация того не требовала.

Впрочем, видя Сун Чжияня в фартуке с милым медвежонком, Чжан Цзиньсяо всякий раз невольно прикрывал рот кулаком, пряча улыбку.

Сун Чжиянь медленно повернул голову:

— А-Сяо, я вижу, ты смеёшься надо мной.

Чжан Цзиньсяо кашлянул, опустил руку и спросил с невозмутимым видом:

— Что хочешь приготовить на ужин? Может, мне сходить в магазин?

Попытка сменить тему была слишком уж неуклюжей, но Сун Чжиянь сделал вид, что ничего не заметил. Он открыл холодильник, окинул взглядом остатки помидоров и тыквы и потёр нос:

— Похоже, придётся наведаться в супермаркет.

— Я составлю тебе компанию, — предложил Чжан Цзиньсяо, пытаясь загладить вину за смех.

— И купим тебе новый фартук?

— Конечно. Хотя с фартуком можно не спешить, — Сун Чжиянь медленно произнёс это, встретился взглядом с Чжан Цзиньсяо и добавил: — Око за око. В следующий раз я хочу увидеть в нём тебя.

Чжан Цзиньсяо лишь молча надел свои привычные тёмные очки и первым вышел из дома.

Двое высоких мужчин в супермаркете, несмотря на простую одежду, выглядели весьма эффектно и выделялись на фоне обычных покупателей. Особенно привлекал внимание Чжан Цзиньсяо в своих тёмных очках, что казалось странным для пожилых людей, и они не могли не бросать на него любопытные взгляды.

Хотя за последние семь лет у Чжан Цзиньсяо не было громких ролей, он всё же оставался узнаваемым лицом. А женщины среднего возраста, любительницы мыльных опер, могли легко его вычислить, и тогда слухи разлетелись бы мгновенно, превратив его в объект обсуждений без всяких журналистов. Поэтому, как бы его ни разглядывали, снимать очки было нельзя.

Чжан Цзиньсяо всегда был куда менее толстокожим, чем Сун Чжиянь. Тот же вёл себя так, будто на него вообще никто не смотрит: выбирал свежие овощи, отборное мясо, а через минуту уже вовсю болтал с какой-то пожилой дамой о том, как лучше определять свежесть рыбы.

Чжан Цзиньсяо, ошеломлённый такой переменой в молодом господине Суне, просто плёлся следом, задаваясь вопросом, когда же тот успел стать таким приземлённым.

Но благодаря Сун Чжияню неловкость Чжан Цзиньсяо постепенно улетучилась. Он привык к вниманию, ведь был актёром, и если бы не присутствие Сун Чжияня, он бы вообще не обращал внимания на окружающих.

— Суп из рёбрышек, с кукурузой или с редькой? — Сун Чжиянь держал в руках белую редьку, поглядывая на полку с кукурузой.

— С кукурузой, — не раздумывая, ответил Чжан Цзиньсяо.

Сун Чжиянь отложил редьку и взял кукурузу.

— Цветная капуста или брокколи?

— Брокколи.

Сун Чжиянь положил брокколи в корзину.

— Тушёные баклажаны или яйца на пару?

На этот раз Чжан Цзиньсяо не ответил сразу. Сун Чжиянь, невозмутимо пожав плечами, взял и то, и другое:

— Приготовим и то, и другое.

Незаметно корзина оказалась полной. Чжан Цзиньсяо, которого всё это время опрашивали, только у кассы осознал объём покупок и усмехнулся:

— Ты что, решил устроить императорский пир? Нас же всего двое, кто всё это съест?

— Разве стоит отказывать себе в еде? К тому же, если останется, ополоснём водой и отдадим твоему коту, ничего не пропадёт, — Сун Чжиянь улыбнулся. — Будем считать это празднованием твоего успеха на прослушивании. Желаю удачи!

— Не слишком ли рано праздновать?

— Я верю в тебя, А-Сяо. К тому же ты такой худой и привередливый, может, хоть так начнёшь есть побольше.

У кассы они продолжали перекидываться фразами, и кассирша, слушавшая их разговор, смотрела на них с нескрываемым пренебрежением.

— Чёрт, праздник Циси только прошёл, а мне уже приходится видеть этих двоих, которые на публике демонстрируют свои нежности! — думала она.

Впрочем, девушка решила оставаться позитивной и, проводив их взглядом, мысленно пожелала:

— Ладно уж, будьте счастливы.

Сун Чжиянь, шедший впереди с пакетами, словно почувствовал это. Он с нежностью посмотрел на Чжан Цзиньсяо, не видя вокруг никого другого.

Чжан Цзиньсяо оглянулся на него, а Сун Чжиянь лишь загадочно улыбнулся, подумав про себя: Конечно, так и будет.

Он мельком взглянул на кассиршу, едва заметным жестом оставил на удачу простенький оберег и пошёл дальше, спрашивая Чжан Цзиньсяо:

— Тяжело? Давай я помогу?

— Все банки и бутылки у тебя, с чего бы мне быть тяжело?

Последние несколько дней Чжан Цзиньсяо провёл дома, изучая сценарий. Он исписал десятки страниц, анализируя сюжет и персонажей — было видно, что он вложил в эту работу всю душу. Сун Чжиянь не мешал ему, занимаясь делами компании в своей комнате. После реорганизации дел было непротиворечиво, но для Суна это не составляло труда. В свободное время он лишь выходил в сад порыхлить землю вокруг цветов Чжан Цзиньсяо.

Однако в этой тихой идиллии их уединение нарушил незваный гость.

Около трёх-четырёх часов дня раздался безумный звонок в дверь. Сун Чжиянь, игравший в телефоне, нахмурился, бросил гаджет на диван и пошёл открывать, боясь, что шум побеспокоит Чжан Цзиньсяо.

Когда дверь открылась, оба замерли. Сун Чжиянь первым приподнял бровь и, скрестив руки на груди, спросил:

— Вы... кто?

Тон его был далёк от дружелюбного, и Му Ань, стоявший на пороге, сразу помрачнел. Поняв, что перед ним тот самый негодяй, который десять лет тянул из Чжан Цзиньсяо все соки, он закатил глаза и попытался протиснуться внутрь.

Сун Чжиянь, не ожидавший такой наглости, ловко схватил его за руку и оттолкнул назад.

Му Ань опомнился, уже стоя на лестничной клетке.

Му Ань: ???!

Чжан Цзиньсяо, вышедший из комнаты со стаканом воды, застал их в момент противостояния. Он поставил стакан на столик и удивлённо посмотрел на них:

— Ань-Ань? Ты как здесь оказался? И что вы делаете в дверях? Не жарко?

Жарко? Ещё как! На улице стояла тридцатипятиградусная жара, а Му Ань был в костюме и галстуке.

Указывая на Сун Чжияня, он возмущённо пожаловался Чжан Цзиньсяо:

— Я хотел войти, а этот тип меня вытолкал!

Сун Чжиянь с невинным видом посмотрел на Чжан Цзиньсяо:

— Я подумал, что это страховой агент пытается прорваться в дом.

Страховой агент! Му Ань был готов взорваться от негодования. Он уже хотел начать кричать, но заметил, что Чжан Цзиньсяо едва сдерживает улыбку.

— Не думай, что я не вижу, как ты давишься смехом!

Чжан Цзиньсяо кашлянул, пытаясь стать серьёзным, и втянул Му Аня в квартиру:

— Ань-Ань, не злись, проходи. Это Му Ань, мой агент, — добавил он, обращаясь к Сун Чжияню.

Сун Чжиянь вежливо кивнул. Он уже вспомнил голос этого агента, который когда-то отговаривал Цзиньсяо заботиться о нём. Понимая, что тот действовал из лучших побуждений, Сун Чжиянь решил сменить гнев на милость:

— Прошу прощения, не признал вас.

Его тон был искренним, и Му Ань, не будучи злопамятным человеком, сменил гнев на милость, лишь фыркнув в ответ.

Сун Чжиянь, не обижаясь на враждебность агента — в конце концов, тот защищал интересы Цзиньсяо, — решил оставить их одних:

— Я принесу вам сок.

Как только Сун Чжиянь ушёл на кухню, Му Ань набросился на Чжан Цзиньсяо:

— Почему он всё ещё здесь? Раньше ты возился с ним, когда он был в коме, а теперь он очнулся — ты что, собираешься содержать его всю жизнь?

— Ему не нужно моё содержание, — ответил Чжан Цзиньсяо.

Му Ань не поверил:

— Хватит тебе! Что у вас происходит? Он хоть оценил твои десять лет преданности? Полюбил тебя?

— Ты что несёшь? — Чжан Цзиньсяо покачал головой. — Кто сказал, что благодарность должна перерасти в любовь?

— А как же сюжеты про спасение красавца?

— Это бывает только в сценариях, — отрезал Чжан Цзиньсяо.

Му Ань был разочарован. Его симпатия к Сун Чжияню, едва возникшая, тут же испарилась.

— Может, этот мерзавец просто не хочет брать на себя ответственность?

— Ненавижу это слово — ответственность, — спокойно ответил Чжан Цзиньсяо. — Что ему делать — его выбор. А заботиться о нём десять лет — мой. Я никогда не требовал от него ничего взамен.

— Ты святой, что ли? — Му Ань был в ярости.

— Любовь нельзя выпросить, угрожая ножом. Если он полюбит меня из жалости — это оскорбление, — заключил Чжан Цзиньсяо.

Когда Сун Чжиянь вернулся с соком, в комнате царила тишина.

— Что-то случилось? — спросил он, ставя стаканы.

Му Ань, снова вспыхнув, переключился на дело:

— Завтра прослушивание! Ты готов? Какую роль будешь пробовать?

Чжан Цзиньсяо на мгновение замолчал, а затем улыбнулся:

— Это отличная роль, она позволит мне раскрыться. Лучше и не придумать! Кстати, Ань-Ань, оставайся на ужин, я приготовлю рёбрышки.

— Нет, мама ждёт дома.

— Очень жаль.

Проводив Му Аня, Чжан Цзиньсяо вернулся на диван. Сун Чжиянь, наблюдавший за всем со стороны, усмехнулся:

— Так что за роль ты выбрал?

Чжан Цзиньсяо посмотрел на него и промолчал.

— Не хочешь говорить? Что бы ты ни решил, я поддержу, — уверенно сказал Сун Чжиянь.

Чжан Цзиньсяо улыбнулся:

— Это безумец. Слепой, хромой и слабоумный. Но меня сейчас больше волнует другое.

— Что?

— Как одеться завтра, чтобы выглядеть покруче?

<http://bllate.org/book/19085/1874252>